

BrainStorm

АЛИНА КАТРАН-ШИЛЛИНГ

ТЫ НЕ ОДИН

ОТ ПЕСОЧНИЦЫ ДО СТАДИОНА

Алина Катран-Шиллинг
BrainStorm: Ты не один.
От песочницы до стадиона
Серия «Подарочные издания. Музыка»

Текст предоставлен правообладателем

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=63540261

А. Катран-Шиллинг. BrainStorm. Ты не один. От песочницы до стадиона: ООО «Издательство «Эксмо»; Москва; 2020

ISBN 978-5-04-113223-1

Аннотация

Эта книга могла бы стать биографией группы, если бы у них был только BrainStorm. Но жизнь длиннее самой любимой песни. И четверо парней из Елгавы говорят с вами о главных вещах – Любви, Дружбе, Призвании, Успехе и всём том, о чём за 45 лет не рассказали даже друг другу. Вы можете не знать их песен, но вы поймёте, о чём они: эта книга про всех нас. Ведь каждому порой надо просто услышать: «Ты не один».

В формате PDF A4 сохранён издательский дизайн.

Содержание

Предисловие	5
Начало	9
Конец ознакомительного фрагмента.	51

Алина Катран-Шиллинг BrainStorm. Ты не один. От песочницы до стадиона

© Алина Катран-Шиллинг, текст, 2020

© Анна Солуянова, иллюстрации, 2020

© BrainStorm Records Company

© Оформление. ООО «Издательство «Эксмо», 2021

* * *

Предисловие

Раймонд Паулс, Лева и Шура Би-2, Илья Лагутенко, Александр Петров, Евгений Гришковец, Антон Корбайн, Влади, Михаил Козырев и BrainStorm всем составом: Ренарс, Каспарс, Янис и Марис – хороший был бы лайнап какого-нибудь культурного фестиваля или мегаредакция журнала о современной музыке, театре и кино. А будь это гестлист летней балтийской вечеринки – да на неё можно было бы вип-ложу продавать по цене машины, – все бы пришли. Но нет. Точнее, не совсем так. Всё вышеперечисленное обязательно состоится как спин-офф или сиквел этой книги. Между прочим, вы только что прочли список её авторов. Ведь так и пишется история. Представил сейчас себе книгу о Штраусе, в которой отметились он сам и его современники соответствующего размаха. Неплохой был бы бестселлер, но что-то не до книги ему было, а я бы прочел, эх, Иоганн... Проехали.

Мы всегда смотрим на современников, как на людей более обычных, чем те, что жили раньше, даже если знаем, что эти современники через несколько поколений станут легендами и займут места в хронологии нашего времени. Указанные мною займут, хотя с каждым столетием даже самые яркие из нас становятся миражами в пустыне.

Пройдет двести-триста лет, и кто-то скачает файл с названием «BrainStorm: Ты не один», начнёт читать, и, может,

он или она... да вот хороший вопрос, а останутся ли он и она? Извините, отвлѣкся, так вот, какой-то человек, так... ещё один вопрос, а человек-то останется? Допустим, останется. Итак, человек решит прочесть что-нибудь про начало XXI века, точнее про музыку этого периода, ну, не знаю зачем, в университете задание такое, и среди ряда текстов попадѣтся этот. Человек начнѣт читать.

Я хочу вот к нему обратиться, к тому, кому дали задание написать что-то про наше время.

Ты правильно выбрал! Серьѣзно, братан, сестра или кто ты там в будущем, это просто-таки охрененный выбор, тебе столько станет ясно про нас, тут такие люди собрались, ты таких в одной книжке попробуй найти. Они все жили по-настоящему, не стыдно за остатки выдышанного ими чистого воздуха этой планеты. И вот они все отдали часть уходящего как песок в часах времени на то, чтобы сказать, что они думают о музыке. Ты же понимаешь, если хочешь узнать что-то о времени, есть только один путь – слушать музыку этого времени. Всѣ остальное в том или ином объѣме содержит ложь, а в музыке не соврать, мы редко задумываемся, но ведь музыка – единственная материя, в которой нет места неправде. Скажешь, музыка бывает плохая и это хуже лжи? Не соглашусь: кто решает, хорошая музыка или нет? Она либо заставляет тебя дышать по-другому, либо нет. Кстати, не волнуйся, музыка, о которой написано здесь, заставит тебя дышать по-другому. Если нет – я верну тебе деньги, только

прилети за ними в наш 2020 год. А я жадный, поэтому я в себе уверен, точнее, в них, в парнях из BrainStorm, и да, книга об их музыке.

Ты где-то ещё прочтёшь про эту книгу и там тебе скажут, что эти строчки не про ноты и мелодии, а про её авторов, точнее, в основном, здесь мысли и истории самих этих авторов, а также их друзей. Ерунда. Книга про музыкантов – это всегда книга про их творение. Вы там ещё верите в Бога или нашли что-то поинтереснее? Мы тут ещё пока верим, хотя оснований всё меньше и меньше, но одна из причин верить – музыка: если она есть, значит, старина Дарвин конкретно ошибся, и те, кто умеет складывать звуки в коды человеческих душ, умеют с этим самым Богом разговаривать или хотя бы слушать. Мне всегда было интересно, какие они, те, кто умеют слушать, кто они? Жрецы, шаманы, просто люди с даром? Прости, я даже как-то не подумал спросить... у вас там ещё есть музыка? Если вы до сих пор не разучились плакать и смеяться, значит, есть. Я бы хотел её услышать, но не судьба. Хотел бы прочесть тех, кто её пишет, и о тех, кто её пишет, но тоже не получится. А у тебя получится прочесть про музыку, которую слушаю я, и начинаю дышать иначе. Читай и слушай музыку, и ты начнёшь путешествие во времени. Поймёшь, как мы жили, как любили, думали и чувствовали. Это же очень просто: надо только перевернуть страницу, а дочитав, нажать кнопку «Play».

Александр Цыткин

Начало

*Как давно ты здесь не был
Кто же помнит тебя?
Этот двор, где ты бегал,
И окна в каплях дождя...*

«Чайки на крышах», BrainStorm

800 лет назад лавина всадников в белых мантиях накрыла территорию будущей Латвии – языческую и непокорную. Земля дала отпор, и крестоносцы заложили здесь замок Ми-тава, первый камень будущей Елгавы. Город-пряник с лосем на гербе, почти до основания сторевший в годы Второй мировой, находится в получасе езды от Риги. Здесь некогда гостила будущая императрица Екатерина II, скрывался от французской революции Людовик XVIII, путешествовал Карамзин и выпускал машинки-рафики Советский Союз. Здесь родились и выросли BrainStorm – мальчишки, для которых городок казался огромным, как мир, и которые, увидев мир, все ещё считают себя елгавской группой.

Исторический камертон города – башня церкви Святой Троицы и смотровая площадка на её макушке. Отсюда видно среднюю школу № 1, где мальчуганы Янис, Ренарс, Каспарс и Марис строились на линейку, а теперь почетными гостями выступают на 100-летию училища. Детский сад «Землянич-

ка» – зимой карапузы танцевали здесь «Парижское танго» под новогодней ёлкой, а летом облизывали круглые бумажки от пломбира в панاماх из лопуха. Из местной музыкальной школы мальчишки с детским хором «Кузнечик» однажды отправились на большой концерт и выступили под аккомпанемент маэстро Раймонда Паулса – вдохновились и прыгнули далеко.

На цветущих пойменных лугах пасутся дикие лошади, а неподалёку раз в пару лет собирается весь город – домашними опен-эйрами BrainStorm открывают свои латвийские туры. Впереди виден Елгавский вокзал, до которого школьники Prāta Vētra (так называют группу на Родине) волоком тащили свои инструменты, а теперь во всех сувенирных лавках страны диски BrainStorm соседствуют с янтарём, балтийскими шпротами и Рижским бальзамом.

В опрятном скверике на главной улице Елгавы открыт новый памятник. Восемь зеркальных человеческих фигур держат на головах пирамиды из валунов. Каждый камень – знаковое событие в истории города. В их числе и рождение группы Prāta Vētra в 1989 году.

Мощёные булыжником улицы Елгавы уводят в довоенную эпоху, фахверковые дома прячут внутри антикварные останки средневековья, а панельные многоэтажки до сих пор напоминают декорации к «Иронии судьбы». Куда же умчались те рыцари, где теперь слышны колокола взорванных церквей? Они звучат в каждом, кто вырос на той земле. Среда

формирует нас явно и подспудно, каждому важна опора, корни, тыл – место, откуда можно расти и крепнуть. Рассматривая фундамент старой башни, зачастую можно увидеть и свой собственный.

Марис Михельсонс:

Когда мы были мальчишками, мы эту башню излазили вдоль и поперек. Она была разрушена, без крыши, можно было, задрав голову вверх, видеть небо. Наполовину она была засыпана песком – нас пугали, будто бы в нём закопан русский танк, но мы всё равно проводили там много времени. Я любил в детстве рассказы о приключениях, обожал Жюль Верна. Прочёл все книги в доме, и бывало даже, что в день по два раза бегал в библиотеку за новыми. Я мечтал о замках, рыцарских турнирах, представлял себя Робин Гудом. Меня увлекал этот мир.

Я очень четко помню момент из детства, когда развелись мама с папой. Был декабрь, ёлка стояла, игрушки на ней висели красивые. А родители очень сильно о чём-то поспорили, сейчас я уже могу предположить о чём, а тогда мне было 4 года, я ничего не понимал, но зато я помню, как мама взяла эту ёлку, распахнула окно и выкинула её с пятого этажа. Я был маленький, бежал вниз – какие-то игрушки уцелели, я пытался их собрать...

Моя мама Велта, папа Янис и старший брат Иво. А где же я? Я в коляске!

Тут мне даже годика ещё нет. Встречаю крёстных

Я очень стильный пятиклассник – волосы уложены водой с сахаром

Наша детсадовская АВВА! Даже в психбольнице однажды пели, было страшно, я постоянно забывал слова! На фото я справа

После этого с отцом я общался очень мало. Отрывочно я помню моменты – вот он появляется на мой день рождения, я выбегаю во двор, я очень рад...

В детстве это случалось очень редко. Сейчас-то я понимаю, что он не появлялся из-за того, что они не ладили с мамой, а не потому, что не хотел видеть меня. Но папа мог бы

появляться чаще. Я сам сейчас в разводе и понимаю, что люди могут сильно поссориться, но нельзя своё недовольство партнером двигать через детей – это высшая степень эгоизма. Я не считал, сколько раз я встречал отца за свою жизнь, но это небольшое число. А месяц назад мой папа умер.

Были похороны, собралась вся родня, очень много людей, большинство из которых я не знал. И один крупный, активный мужчина подошёл ко мне и рассказал, что изучает наш род, откуда мы все вышли. Дал мне снимок, на нём самые первые имена нашей семьи – примерно сто лет назад, не так уж давно. Наша фамилия Михельсонс пришла из Швеции в XVIII веке. Кстати, у меня очень много родственников живёт в России. Они из Латвии, но больше ста лет назад, когда Латвия ещё была частью Российской Империи, латышским крестьянами даром давали участки земли в Псковской области, чтобы там поселиться и заниматься сельским хозяйством. Дедушка и бабушка моей мамы поехали, там у них родились дети, некоторые из них вернулись в Латвию, но большинство так и осталось там. Сейчас они разлетелись по всей большой стране – кто в Карелии, кто на Урале.

Впервые я встретил брата своей бабушки в Челябинске три года назад, он пришёл со своими внучками на концерт. Странное, конечно, чувство – вроде бы твой родственник, но ты совсем не ощущаешь этого, ведь вы почти незнакомы, никакой связи по жизни нет. Вы не обязаны общаться, сближаться, делиться чем-то. Я вообще из тех, кто впечатле-

ния больше держит при себе. Я не очень люблю общаться с незнакомыми – мой круг общения довольно маленький. Это ощущение, наверное, осталось из детства – старший брат рано уехал из дома, мы остались с мамой вдвоем, и она долго не хотела меня отпускать, боялась... Но я, конечно, переехал, стал снимать квартиру. Я парень городской, но с возрастом и рождением детей понял, что мне хорошо на природе. Может быть, это память предков? Тех самых, из Псковской области.

Я знаю, что в России в стародавние времена всегда селились вдоль реки или улицы, большими и малыми сёлами. В Латвии не так – здесь дома находились сами по себе, на заметном расстоянии друг от друга. А мне хотелось иметь свой дом с историей, с корнями. Я нашёл такой в 150-ти километрах от Риги, полностью отремонтировал, кое-что переделал, покрасил в черный цвет с белой отделкой. А недавно перевёз ещё амбар с другого хутора. Ему около ста лет, пришлось его полностью разобрать, пронумеровать каждую деталь и потом собрать на новом месте, как конструктор. Некоторые доски прогнили, и дверь тоже – пришлось поменять. Крыши не было, всё перекошено – он долго стоял под углом. Но он всё равно мне очень нравится. Рядом находился ещё один дом в ужасном состоянии, я его недавно выкупил и тоже привожу в порядок. У меня теперь настоящее подворье, тыквы растут и много чего ещё. Мне очень нравится побыть одному в своей деревне, только я и природа. Это для меня важно. Я тогда хорошо себя чувствую – в тишине, гармонии и порядке.

Я помню это мамино платье! Коричневое с фиолетовым.
Мы на фотовыставке в городе Цесис

Каспарс Рога:

Я вырос из абсолютного анархиста. Это началось в школе, из которой меня выгнали, как и Михельсона. Я вообще был не способен учиться в советской системе, с консервативным подходом, я очень быстро терял интерес. До третьего класса ещё тянул, был октябрёнком и барабанил в пионерском оркестре, а потом всё пошло под откос.

Каждый день после уроков я шёл в музыкальную школу,

где учился до самого вечера. Я хотел быть гитаристом, но не было учителя, пришлось выбирать – саксофон или барабаны. Я, конечно, сразу сломал барабаны – так колотил, что лопнул пластик. Очень страшно было идти сознаваться, но как-то я выжил. Нагрузка была большая, и родители разрешили мне уйти из музыкальной школы при условии, что я всё равно буду учиться играть на каком-то инструменте. Так я шесть лет проучился на аккордеоне у частного учителя, очень смешно.

В средней школе меня не допустили к экзаменам. Я должен был написать дополнительную контрольную по алгебре, а это было самое трудное для меня, я вообще ничего не понимал. Но я написал. Учительница тогда посмотрела и сказала: «Каспарс, ты написал на три, но теперь ты должен пойти с родителями к завучу и умолять её, чтобы тебя допустили к экзаменам». Тут уже моя гордость взяла верх, я решил, что никому кланяться не буду. Я пришёл домой и с порога заявил родителям: «Всё, меня выгнали из школы». Перед этим, правда, я зашёл в школьный туалет, думал, может, сейчас повеситься тут? Это теперь мы можем посмеяться, а в том возрасте всё серьёзно – ты одиннадцать лет учишься, чтобы получить бумажку, и вдруг всё обрывается.

Именно в этот момент что-то во мне сформировалось, я осознал, что могу делать выбор. Поступить, как мне велят, или остаться верным себе. Это очень важная вещь для каждого человека, очень трудная – быть ответственным за свою жизнь и поступки. Вся система вокруг работает на то, что-

бы лишить тебя этого чутья, отобрать волю, осознанность. Я очень хорошо почувствовал это именно в тот день. Я думаю, что все остальные поступки в моей жизни продиктованы именно этим мотивом. Всегда есть выбор, и ты должен быть в сознании, должен иметь смелость принять своё собственное решение.

Дальше оставался лишь жест доброй мести. Мой друг Артурс Скрастыныш, который сейчас знаменитый латышский актёр, посоветовал сделать неожиданный ход и подарить школе картину моего отца. Папа тогда уже был известным художником в городе, его работы висели и в актовом зале школы (Улдис Рога награждён Орденом почёта Елгавы, – прим. авт.).

Я взял папину картину и явился на выпускной, где мне вместо аттестата должны были дать только справку о том, что я прослушал курс. И вот меня вызывают, а я им и говорю: «Аттестата у меня нет, а картина есть – и я дарю её вам». Весь зал аплодировал, ребята смеялись, все училки стояли красные – это был очень красивый ход.

В детстве мне очень повезло, что у моих родителей была дача, буквально в трёх километрах от Елгавы. Я проводил там лето, это мои самые лучшие воспоминания, они дают силу. Рядом была речка, и мы с ребятами каждый день шли рыбачить. А потом ломали удочки, чтобы поиграть в индейцев – из самого тонкого сегмента удочки, если его хорошенько заточить, получалась идеальная стрела для индейского лука!

Помню, однажды на даче был семейный праздник, а папин мопед «Рига 22», очень крутой, с двумя скоростями, стоял во дворе на подножке. Я был маленьким, но твердо решил его починить.

Только я залёг под мопед, как мама увидела это в окно и кричит: «Сын, а ну быстро вылезай оттуда, ты сейчас разобьёшься!» Я от этого испуга встрепенулся и – бабац, об выхлопную трубу отбил себе передний зуб. Тысячу раз мне предлагали его восстановить, но я говорю – нет, пусть это останется моей тренд-маркой. Кстати, позднее, когда папа купил себе «Запорожец», он мне отдал тот мопед, и я прилично на нём гонял и падал. Возможно поэтому я спокоен теперь к мотоциклам, что, учитывая мой нрав, к лучшему.

Я хорошо помню себя маленьким. Мне было очень важно, чтобы в новогоднем конфетном наборе был мандарин, поскольку он встречался не всегда, и достать подарок без мандарина было катастрофой! Я вырос с двумя старшими сестрами, и они всегда гнали меня вон, когда к ним приходили парни. Если старшие меня и брали в игру, то я вечно был крайним или подопытным – например пациентом, которому делают операцию. Это всё, конечно, меня закалило в общении с людьми. Однажды бойфренд моей сестры принес к нам домой на сутки видеомаягнитофон, что в ту пору было роскошью. Они гоняли все кассеты подряд без перерыва, и я попал на документальный фильм «Лица смерти» – было очень страшно, но я не мог оторваться. Странное такое, неприят-

ное любопытство. Там были показаны казни людей, смерть животных на бойне, шокирующие и жуткие вещи. Мне было лет восемь, и мне кажется, что именно в тот момент во мне стало расти острое переживание за несправедливость в мире, которую мы сами причиняем друг другу и природе. Это чувство до сих пор никуда не ушло.

Зимний поход с отцом в районе дачи – наверное, первый класс

Я во втором классе, 1982 год

Я с той самой бабушкой, о которой ещё расскажу. Её имя Вилма. Мне 3 месяца

Семейное фото в Елгавском фотосалоне. Папа Улдис, мама Инта, сестра Индра слева и сестра Инга справа

Новый год в детском саду. Я в шапке гнома, оглядываюсь.
А заяц позади меня – это Ренарс!

Я на даче. У меня уже сломан зуб от мопеда – это видно на фото

Ренарс Кауперс:

Каспарс – мой самый первый друг, мы знакомы лет с трёх. Я точно помню, как мне не нравились выходные, потому что я оставался совсем один. Я всегда очень ждал понедельника, чтобы пойти в садик и встретить там друзей. Моя мама работала в детском саду, и, конечно, я пользовался некоторыми привилегиями, например, мне разрешалось не спать в тихий час. Но я вам так скажу – одному гулять тоже мало счастья. Вышел, думаешь: «Ух, вот я сейчас тут!» А все друзья спят – ни в мяч поиграть, ни в казаки-разбойники – скучно одному.

У меня было прекрасное детство. Меня очень любили, баловали, поскольку я был единственным ребёнком в семье,

был для всех особенным. Я рос в огромной любви, но параллельно всегда присутствовало большое одиночество. Я много времени проводил один в своей комнате – слушал сказки и музыку на виниловых пластинках, наслаждался общением с проигрывателем – сдуть пыль, аккуратно иголочку поставить. Я коллекционировал и очень любил маленькие металлические модельки машинок, у которых дверцы открывались – «Жигули», «Запорожец» и «рафики», которые собирали у нас на заводе в Елгаве. Ни кошек, ни собак, ни даже попугая у меня не было. Я рано научился читать, мне нравились книги. Мне кажется, я был похож на Малыша из «Карлсона» – ему не хватало друзей, он думал, что он особенный, не такой как все – но мы же знаем, что он был самым обыкновенным мальчиком. Вот и во мне жило это чувство – мне казалось, что я необычный, и что-то обязательно должно со мной случиться.

Мне было трудно сходитьcя c людьми, я был cтеснительным, но в то же время cтремился к новым знакомствам. Ду-

маю, это до сих пор во мне так и осталось. Мне нравится встречаться с людьми, говорить, но иногда мне это даётся нелегко. Я всегда был осторожным ребёнком – не пугливым, но и не радикальным. Спокойным, послушным. Я рос в одиночестве, уюте и тепле – я был домашний котёнок.

Мои родители развелись, когда мне было шесть лет. Это был очень болезненный, тяжелый для меня период. Я отчётливо помню этот эпизод – мы были с мамой на картофельном поле, собирали картошку, и вдруг мама мне сказала: «Всё, теперь мы будем жить отдельно от папы». Я не сразу поверил и очень плакал тогда. С папой после этого мы общались редко, только на мой день рождения 1 сентября. В этот день всегда было радостно – все идут учиться, у всех праздничное настроение, много цветов, встреча с друзьями. После уроков 2–3 друга приходили ко мне домой – больших празднований у меня никогда не было. Торт мама покупала, а не пекла, это не её конек – зато она очень вкусно готовила горячее.

Помню момент, когда дедушка Карлис подарил мне на день рождения велосипед. Причем невероятным было всё – и сам ВЕЛОСИПЕД, и то, что мы с ним вместе поехали выбирать этот велосипед, несмотря на то что я тогда приболел. У меня была температура, и обычно не могло быть и речи, чтобы выйти в таком состоянии из дома, а тут мне мама сказала: «Ладно, можешь поехать с дедушкой выбрать велосипед». Это было для меня чем-то совершенно невероятным.

Папа обычно приходил и поздравлял меня сразу с двумя

праздниками – днём рождения и началом учебного года. Я помню, как это было всегда неловко – ни я, ни папа не знали, что сказать, мучительный час. Но всё-таки мы удержали ниточку общения и сейчас у нас очень тёплые отношения, мы как истинные латгалыцы всегда при встрече крепко обнимаемся и целуемся.

Раньше у родителей была большая обида друг на друга, а сейчас они с мамой могут даже ехать на одной машине и не закипать, это победа! Годы идут, раны заживают. У папы сейчас третья жена, но я так и остался единственным ребёнком и у мамы, и у папы. Помню, однажды папа приехал ко мне и моим сыновьям, его внукам. Мы хотели вместе что-то построить – папа всегда помогает, у него золотые руки. И вдруг зарядил дождь, настолько сильный, что мы засели дома. Я подумал: «Вот неудача, сейчас бы поработали на славу, а вместо этого дома торчим!» И тут же осёкся – вот мои любимые люди, папа и сыновья, мы все вместе играем в новус, разговариваем, смеёмся. Счастье здесь и сейчас, я прямо поймал тогда этот момент.

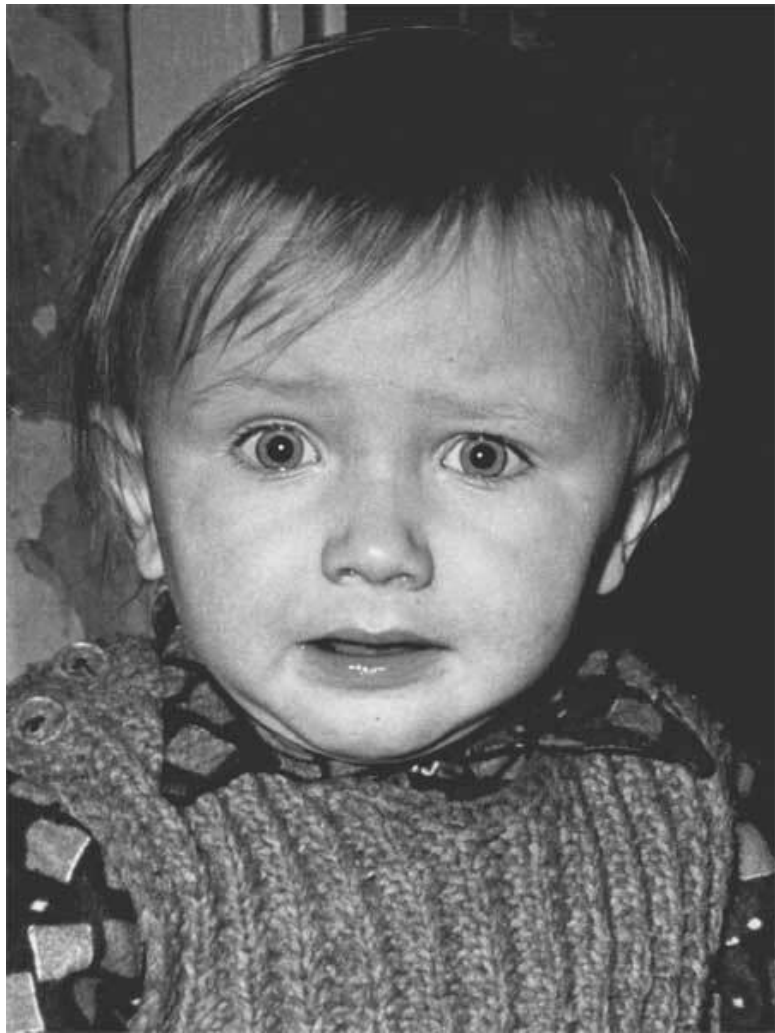
Это большая школа – научиться быть в настоящем. Я не очень анализирую прошлое, скорее мои мысли в будущем. Моих родителей объединяет целеустремлённость и трудолюбие, я перенял это, но стараюсь остановить в себе бесконечное «вставай, надо что-то делать!» Я учусь разрешать себе быть в покое. Иногда хорошо бы не замечать, что надо убрать комнату, сделать важные звонки, разложить вещи

иногда важно просто насладиться моментом и не суетиться. Услышать себя.

Я жил в пузыре любви до того момента, как Каспарс меня вытащил на улицу. Это история про «мальчика в окне» — судьбоносная для меня, правда! Я жил очень отдалённую от жизни жизнь. Просто сидел у окна своей комнаты и смотрел, как по двору носятся ребята. Я очень хотел спуститься к ним, но меня останавливала застенчивость. Честно говоря, я даже не мог себе представить, что мог бы вот так с ними там бегать, это казалось настолько круто, как из другого мира. А потом вдруг Каспарс постучал в дверь, сказал: «Выходи!», и для меня изменилось всё, начался новый отсчёт.

Счастливый с мамой. Мне полгодика – вот ведь, уже сижу!

Маленький я. Испугался чего-то. Наверное, в гостях у бабушки... хорошее фото

Мне 6 лет, пора заканчивать садик – видно, как я из рубашечки вырос!

Янис «Мэджик» Юбалтс:

Я сейчас совсем не похож на себя маленького. В детском саду я был очень простым, как все. Обычный ребёнок, который родился в советское время – стрижка «полубокс», шорты с колготками, всегда зайчик или медвежонок на новогоднем утреннике. Из своего окна я любил смотреть на флюгер-петушка на красном шпиле лютеранского собора Святой Анны – это самое старое из сохранившихся в Елгаве зданий. По воскресеньям я просыпался от хорового пения солдат,

которые маршировали из казармы в баню и обратно. В нашем районе «Жуковка» жили и латыши, и русские, мы вместе гоняли в футбол, бывали и драки, но я благодарен тому, что, пока я рос, я выучил русский язык, удивительно сложный, и он приоткрыл мне двери, о которых я даже не думал. Со временем молодое поколение латышей, которое изучает сейчас английский, тоже поймёт, что у нас есть соседи поближе и лучше уметь с ними общаться, потому что, как говорил индеец Джо, язык – это ключ к народу.

Я вырос во дворе, там была целая жизнь. Мы гоняли купаться на речку, играли в пекаря сломанными клюшками, в пинг-понг, в новус или «морской бильярд» – по легенде, эту игру придумали в прошлом веке латышские моряки. Чтобы сделать биты для игры в чику, мы постоянно брали с кухни поварёшки и плавил в них свинец, от матерей за это попадало, конечно. А как я обожал скейтборд! Помню, нас со школой отправили на практику на прядильный комбинат, и я там выпросил тридцать пустых пластиковых катушек от ниток конусообразной формы. Я их покрасил и каждый день тренировался во дворе кататься слалом.

Однажды вышел мой папа, а ему было чуть больше, чем мне сейчас, около пятидесяти, и говорит: «Янка, дай-ка скейт, я тоже хочу научиться». Отец надел кеды и за неделю научился кататься. Прошло много лет, моей дочке было лет 14, и мы с ней как-то раз заехали в гости к друзьям, а там я увидел новые классные скейтборды. Я вдруг взял одну доску,

подкинул, прыгнул на неё и покатил. Дочка просто остолбенела: «Пап, как это возможно, это же наш спорт, НАШЕГО поколения!» А я говорю: «Нет, понимаешь, всё идёт по спирали». Это она ещё дедушку на скейтборде не видела.

Моя семья – это самые важные для меня люди. Когда я родился, у моих родителей уже было два сына – десяти и шести лет, – поэтому, я думаю, меня не очень планировали. Мы говорили об этом с мамой: они хотели дочку, а получился я. Мне нравится русская поговорка о том, что три сына – это сын. Можно, конечно, ещё со сказочным Иванушкой-дурачком, младшим из трёх братьев, сравнить. Я теперь сам это вижу на своих детях: первый ребёнок родился – ты ему всё самое лучшее даёшь, показываешь, учишь, как надо. Второму уже меньше, а третий вообще сам вырастает. Бывает, идёшь по улице, видишь деревья на старых домах и удивляешься – как эта берёза могла вырасти в водосточной трубе или на балконе пятого этажа? Да так же, как те дети, которые появляются и развиваются как бы сами по себе. Хотя, безусловно, я всегда чувствовал любовь большой семьи.

Дедушка со стороны папы делал крыши из дерева, был кровельщиком высшего разряда. В то время зарплату в колхозе выдавали в бутылках, и он много пил. А второй дедушка не пил, не курил, но была у него одна страсть – он выращивал и сушил табак, причём сам его не нюхал. Я хорошо помню, как у нас на летней веранде всегда висел душистый табак, и деду очень нравился этот аромат. Именно этот де-

душка – Янис, как и я – привил мне любовь к труду. Он учил меня всему, что можно делать руками – косить траву, доить корову, кроличью кожу выделывать. Он клеил большие альбомы с вырезками из газет о том, что происходит в мире, интересовался современностью. У нас было много кроликов, и я помню, что в то время ничего нельзя было купить, но у нас у всех в семье были пыжики – так мы называли ушанки. Я когда русских спрашиваю: «У вас есть пыжики?» они удивляются: «Что это такое вообще? А, ушанки! Конечно, есть».

Всё, чему научили меня дедушки и родители, остаётся со мной до сих пор, я живу этими уроками. Эти люди дали мне огромное благословение к жизни, любовь к труду. В школе, когда мы с ребятами только создавали группу, я подрабатывал сторожем и плотником – я верил, что можно всего добиться через свой труд. Я родился не в богатой аристократической семье, у меня другой стержень, другие понятия – честные, рабочие.

Мой папа многое умеет делать своими руками, но особенно он любит электронику, например разбирать и собирать магнитофоны. Мы поэтому с братьями даже дали ему прозвище – Хитачи. Папа Хитачи нередко выражался поговорками, житейскими мудростями. Например, как-то мы задумали рыть колодец на даче, и папа сказал: «Хорошо придуманное дело – уже сделано наполовину!» В тот раз мы прорыли лопатами 17 метров в глубину, пока не уткнулись во что-то твёрдое и не признали, что затея провалилась. Прав-

да, на такой случай у папы была другая поговорка для нас с братьями: «Как бы плохо в жизни ни было, лопатой копать вы всегда сумеете!»

Отцы и деды понимали жизнь по-своему, потому что они прошли долгий суровый путь между двумя войнами, вернулись с ранениями. Бывало и так, что русские заходили в Латвию и брали себе солдат из одной семьи, а следом приходили немцы и брали из той же семьи парней уже для своих отрядов. Так родные братья воевали с разных сторон друг против друга. Это страшная история, и в моей семье это было. Поэтому, говоря о политике, я никогда не занимаю ни одну из сторон. Уверен лишь, что Родина – это не только место, где ты родился, это нечто большее, с чем ты навсегда и крепко связан. Одно из самых светлых воспоминаний детства – как мы встречались с нашими родственниками в Литве. Лето, все сидят под яблонями, накрыты столы с белыми скатертями, звучат пластинки с музыкой. Мы, дети, с трепетом ждём новых гостей с полными корзинками конфет. Это волшебное чувство семейственности. Для меня до сих пор то чувство, с которым я возвращаюсь домой, неопишимо. Это корни, которые трудно вырвать, и они помогают крепко стоять на ногах.

1975 год, апрель, мы поехали в первый раз в жизни на папином белом «Москвиче» за грибами

Еду от маминой работы в Карелию на автобусе «Икарус»!

Старшая группа в 12-м детском саду, через год пойду в школу!

Моё самое первое лето у бабушки с дедушкой!

Историческое фото. Свадьба кузины моего дедушки. Слева от жениха мой прапрадед Янис. 1931 год

Старший брат Алдис уходит в армию, мы зашли в фото-салон. Средний брат Дзинтарс, папа Модис, я и мама Майя.
1982 год

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.